

О том, что случилось с господином Циюнем, знающие люди помалкивали, а новички ничего не ведали. По сей день мало кто знал всю картину целиком, и несколько учеников, сидевших на задних местах, тихонько орудовали палочками для еды, украдкой поглядывая на происходящее.

Атмосфера на месте была донельзя натянутой, прямо-таки звенящей от напряжения. Мелодичный перебор струн на заднем фоне не только не разряжал обстановку, но напротив – казалось, лишь подливал масла в огонь, отзываясь в сердцах резкими, режущими звуками.

Волоча меч по нефритовым ступенькам, шаг за шагом опускаясь вниз и постепенно сбрасывая с себя все напускные титулы и статусы, Хуа Чжэнмань остановился прямо перед столом Цземина и резко указал на него клинком. Лицо его пылало такой яростью, что кожа вокруг глаз покраснела:

– Это вы его погубили.

В этот момент он больше не был возвышенным, всё просчитывающим градоправителем. Он казался тем самым одиноким молодым господином, который когда-то в одночасье лишился всего мира и навеки потерял свою драгоценность. От его былой изнеженности и лени не осталось и следа – он стоял столбом, вцепившись в рукоять меча так сильно, что побелели костяшки.

Его удар последовал настолько внезапно, что все вокруг испугались. Управляющий, сидевший за главным столом, бросился вперед, а Чэнь Цзиншань машинально положил руку на рукоять своего меча.

Острый клинок усталился прямо в горло, но Цземин даже не моргнул. Протянув руку, он остановил движение Чэнь Цзиншаня, посмотрел на Хуа Чжэнманя и произнес:

– Ты должен прекрасно помнить, что тогда натворил сам. Циюнь собирался погостить в твоём Белояшмовом граде до окончания праздников, а затем вернуться в секту, но в тот день вдруг сорвался раньше времени – как раз перед тем, как отправиться на усмирение варваров.

Никто и подумать не мог, что та поездка станет для него концом.

Взглянув на Хуа Чжэнманя, Цземин добавил:

– В событиях тех лет каждый из нас несет свою долю вины.

Обида никуда не делась, и продолжать намеченные дела в такой обстановке было трудно. Цземин бросил взгляд на остальных присутствующих, которые делали вид, будто смотрят куда угодно, но только не сюда, и сказал:

- Пожалуй, сегодня вечером нам стоит обсудить прошлое. Остальные могут идти отдыхать, как считает градоправитель?

Убеждаемый управляющим, Хуа Чжэнмань опустил меч, однако его глаза по-прежнему в упор смотрели на Цземина. Он лишь чуть приподнял руку.

Управляющий сразу понял его жест, резко развернулся и знаком велел всем людям из поместья градоправителя и танцовщицам немедленно убираться.

Цземин перевел взгляд на своих учеников, задержал его на сладко посапывающем человеке и слегка кивнул.

Их выгнали как раз в самый разгар самого интересного! Ученики изо всех сил постарались скрыть разочарование на лицах, но, поняв намек, быстренько растолкали сладко спящего Сюй Чжицю и подхватили его под руки с двух сторон. Уходя, кто-то случайно наступил на что-то круглое и проворчал себе под нос:

- Какая свинья додумалась горох на дороге раскидать?..

Всего за пару мгновений главный зал опустел – осталось лишь несколько человек.

Помимо Чэнь Цзиншаня, не ушел еще один человек, не имевший никакого отношения к предстоящему разговору. Сюань Чжи спокойно сидел на своем месте. Поймав на себе чужие взгляды, он чуть приподнял веки, опустил кубок с вином и произнес:

- История господина Циюня меня тоже... заинтриговала.

После шумного застолья наступила оглушительная тишина – такая плотная, что любой малейший звук в просторном зале казался невероятно громким. Звук опустившегося на стол кубка разнесся далеко вокруг, а его зрачки, превратившиеся в вертикальные щелки цвета запекшейся крови, казались бездонными; прочитать по ним хоть какие-то эмоции было невозможно.

Сюй Чжицю волокли под руки. Когда они вышли из главного зала, его обдал прохладный

ночной ветер, и он вмиг протрезвел, после чего вырвался и пошел сам.

Впереди шел специальный слуга с фонарем, освещая дорогу к гостевым домикам.

Пока он спал, в зале, похоже, произошло что-то крайне захватывающее: лица учеников покраснелись, им явно не терпелось что-то обсудить, но из-за шедшей впереди служанки они были вынуждены давиться своими словами, обмениваясь лишь пылкими и взволнованными взглядами.

В поместье градоправителя повсюду было светло, точно днем. Яркие огни фонарей покачивались вдоль дорожек, служа скорее украшением.

Едва они добрались до двора, служанка с фонарем удалилась, и ученики тут же юркнули в комнаты, настойчиво зазывая с собой и Сюй Чжицю.

Сюй Чжицю поблагодарил их за заботу, но внутрь заходить не стал. Вместо этого он спросил:

– А... старший брат Цземин и остальные? Почему они не вернулись вместе с нами?

– У них еще остались важные дела, которые нужно обсудить, – ответил высокий парень с конским хвостом.

Сюй Чжицю приподнял бровь:

– Не говорили, надолго ли?

Парень потер подбородок, вспоминая накал страстей в зале, и неуверенно кивнул:

– Наверное, надолго. М-да.

«Надолго». Услышав это, Сюй Чжицю тут же попятился назад, заявив, что смертельно хочет спать и отправляется в постель.

«!» Он предпочел спать вместо того, чтобы поучаствовать в сочных сплетнях?! Остальные уставились на него так, будто видели впервые в жизни, и провожали странными, полными недоумения взглядами, пока он шел по коридору вглубь двора.

Конечно же, Сюй Чжицю вовсе не собирался честно ложиться спать. Пересекши внутренний двор и убедившись, что поблизости нет ни души, он легко оперся рукой о каменную кладку и, взмахнув полами одеяний, шутя перемахнул через забор и крышу.

Воздух в поместье градоправителя был насквозь пропитан какими-то благовониями, от которых у него мутилось в голове. Если бы он остался там ночевать, то наверняка не заснул бы естественным сном, а просто вырубился от вони. На банкете он почти ничего не съел, да и вообще – нормальное вино куда приятнее пить за пределами чужих резиденций.

Чувствуя себя в поместье градоправителя как дома, легкая тень скользнула по стене и бесшумно растворилась в ночи за его пределами.

Белояшмовый град – знаменитый на весь мир город, где звон струн не умолкает до самого рассвета.

Ночной Белояшмовый град являл собой совсем иное зрелище, нежели днем. На аукционах по-прежнему толпился народ, дневные чайные дома уже закрылись, зато ночные таверны зажгли яркие огни. Шум и гам разносились по берегам реки; плакучие ивы низко склоняли ветви, а у моста всюду цвели ранние вишни – их лепестки устилали гладь воды, покачиваясь на волнах.

В толпе его ученическое ханьфу выглядело слишком уж заметно, поэтому Сюй Чжицю не стал слоняться без дела, а сразу отыскал плавучую таверну, забронировал маленький столик на носу суденышка и, воспользовавшись тем, что Тунцзы поблизости не было, заказал по одному экземпляру каждого вида вина, какое только имелось в заведении.

Звукоизоляция в кабинке оставляла желать лучшего: стоило закрыть дверь, как сквозь нее пробивались голоса из коридора и соседних комнат. Впрочем, из-за царившего вокруг галдежа это даже шло на пользу – все звуки сливались в сплошной неразборчивый гул, в котором тонули и разговоры, и смех.

Поднос с кувшинами и чарками появился на столе мгновенно. Наполнив доверху всю столешницу посудой, Сюй Чжицю наугад выбрал один из кувшинов, налил себе чарку и толкнул вбок деревянную створку окна.

Стоило раме открыться, как в комнату ворвался прохладный ночной ветер, принесший с собой зычные крики уличных торговцев. За окном простирался пейзаж, который он за свою жизнь

видел сотни раз. Спустя несколько лет почти ничего не изменилось, вот только пил он теперь в полном одиночестве.

Чарка за чаркой – вино лилось рекой. В соседней кабинке одни гости сменяли других, в коридоре то и дело раздавался быстрый топот ног слуги, который настойчиво сновал туда-сюда, разнося фрукты, закуски и вино.

Тук-тук...

Он как раз допил один кувшин и потянулся за следующим, чтобы сменить его, когда снаружи вновь послышались шаги.

Подумав, что это кто-то направляется в соседнюю комнату, Сюй Чжицю не обратил внимания. Но когда он уже поднес чарку к губам, шаги не прошли мимо – они остановились у его двери. Раздался стук, и голос трактирного слуги прозвучал прямо из-за тонкой перегородки:

– Уважаемый гость, к вам посетитель.

Чтобы его слышали сквозь шум, слуга повысил голос.

Посетитель?

Он никому не говорил, где находится. Сюй Чжицю замер на полпути, машинально покрутив в пальцах фарфоровую чарку, а затем бросил:

– Войдите.

Деревянная дверь отворилась, и на пороге показались слуга и высокая фигура за его спиной. Человек был настолько высок, что ему пришлось слегка наклонить голову, проходя в низкий дверной проем. Заведя руку в темном рукаве за край косяка, он шагнул вперед, облаченный в темные одежды, и опустил взгляд на Сюй Чжицю. Когда слуга скрылся в коридоре, незнакомец тихо произнес:

– Давно не виделись, Циюнь.

Голос был низким и ровным, он отчетливо прозвучал в тесном пространстве, даже безо всяких усилий. Как только слуга удалился, на дне глаз незваного гостя зашевелились капельки багровой крови; стоило ему моргнуть, как угольно-черные прежде зрачки полностью

обратились в кроваво-красные вертикальные щели. Полускрываемый мягким светом ламп, он смотрел на Сюй Чжицю с таким пугающим, абсолютным сосредоточением, что от этого взгляда по спине пробегали мурашки.

В темной воде реки плеснула ночная рыба – звук брызг разнесся по глади, взметнув ворох опавших лепестков.

Человек, чье появление было столь неожиданным и в то же время столь предсказуемым.

Замершая было чарка снова закрутилась между пальцев. Сюй Чжицю чуть подался вперед, опираясь локтем о стол, и водопад из трех тысяч белых прядей качнулся вслед за движением. Уголки его губ едва заметно изогнулись в улыбке:

– Давно.

Это был и ответ, и немое разрешение. Только тогда Сюй Чжицю переступил порог, прикрыв за собой дверь.

– Здесь не осталось ни одной чистой чарки, как придет слуга – попросишь у него новую.

На столе не было ни единого сосуда, к которому бы еще не прикасались. Перебрав добрую половину кувшинов в попытках отыскать хоть что-то приличное, Сюй Чжицю махнул рукой на это безнадежное дело, налил себе еще одну чарку, мысленно похвалив себя – уставшего, но не бросившего поиски.

К счастью, его старый знакомый оказался так же не привередлив, как и в прежние дни. Ничуть не брезгуя, он просто взял первую попавшуюся чарку, стоявшую ближе всех.

– Теперь зови меня Сюй Чжицю, – доброжелательно подлив гостю вина, попутно поинтересовался он:

– И как это ты меня узнал?

Он не стал спрашивать, в какой именно момент тот его раскусил – впрочем, и так было ясно, что этот гад просек всё еще во время сегодняшнего банкета, когда их взгляды случайно пересеклись. Сам вопрос его не особо волновал, ему было скорее любопытно: как? Ведь он

изменил и лицо, и голос, да он и сам себя порой с трудом узнавал бы в зеркале.

Сюань Чжи ответил:

- В каком бы обличье ты ни предстал, я всегда тебя узнаю.

Ответ был донельзя банальным. Сюй Чжицю оставил это без комментариев и перешел к следующему вопросу:

- А сюда как умудрился затесаться?

Сюань Чжи спокойно пояснил:

- Когда-то я подарил тебе нефритовую подвеску.

Стоило ему это упомянуть, как в памяти Сюй Чжицю всплыла нужная вещица. Сунув руку за воротник, он нащупал там вещицу из багровой яшмы и вытащил наружу:

- Эта?

- Это кровавая яшма, выточенная из чешуи демонического дракона, - сказал Сюань Чжи. - Я говорил тебе тогда, хотя ты, должно быть, забыл: пока моя демоническая ци не заблокирована полностью, я всегда буду чувствовать, где она находится.

Сюй Чжицю цыкнул языком и выдал краткую характеристику:

- Какая же мерзкая и в то же время полезная хреновина.

Столько лет прошло в разлуке, а он тут учудил такое масштабное перерождение с возвращением с того света - немудрено, что у этого типа накопилась целая гора вопросов. Сюй Чжицю молча приложился к чарке, восполняя запасы влаги в организме, и мысленно приготовился к долгой осаде.

Однако вопросов не последовало. Проигнорировав любые расспросы о прошлом, незванный гость поинтересовался лишь одним - состоянием его здоровья.

- Об этом и говорить-то нечего. Всё так же, по крайней мере, пока дышу.

Он никак не ожидал, что даже выбравшись в тайне на пару глотков вина, ему не удастся избежать этой темы. Сюй Чжицю раздраженно взъерошил свои седые волосы и проворчал:

– Да ты точь-в-точь как Чэнь Цзиншань.

Стоило им заговорить, как через три фразы этот тип обязательно скатывался к заботе о здоровье. На какую бы тему они ни заводили разговор, итог был один – сплошной замкнутый круг.

– Чэнь Цзиншань?

Пальцы, сжимавшие чарку, едва заметно напряглись. Сюань Чжи искоса глянул на него и глухо произнес:

– Твой бывший жених?

<http://bllate.org/book/18820/1865187>